

ДЕТЕКТИВ

С ОГОНЬКОМ

Татьяна Луганцева

Я ЗАЛЕЗУ
ВЫШЕ КРЫШИ

Детектив с огоньком

Татьяна Луганцева
Я залезу выше крыши

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Луганцева Т. И.

Я залезу выше крыши / Т. И. Луганцева — «АСТ»,
2017 — (Детектив с огоньком)

ISBN 978-5-17-100871-0

Если вам кажется, что отвезти по просьбе соседки кота в ветеринарную клинику — это плевое дело, то вы очень даже ошибаетесь! Мирабелла Заречная, посадив кота в корзинку и поймав частного, чуть было не погибла в автокатастрофе, потеряла память, сбежала из больницы и в результате оказалась в руках у вокзальной мафии. На этом ее злоключения не закончились, а только-только начались... Ранее книга издавалась под названием «Просто он работает волшебником»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100871-0

© Луганцева Т. И., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Татьяна Луганцева

Я залезу выше крыши

Глава 1

Мирабелла Георгиевна Заречная сама не заметила, как оказалась в тупиковой жизненной ситуации. Как если бы она шла по кривоватой, местами ухабистой дороге под дождем, ветром и снегом, месяц за месяцем, год за годом и остановилась перед камнем, стоящим на распутье трех дорог. Конечно, пока ты идешь, думаешь, что когда-нибудь все это закончится, будет и на твоей улице праздник, ведь ты уже достаточно намучилась и заслужила, чтобы все в жизни пошло ровно и гладко. В идеале ты выходишь на пляж с белым песком, к лазурному океану с размытыми линиями горизонта, к райской растительности. А тут – препятствие: камень, необходимость выбора, опять не все просто. «Направо пойдешь – сильно заболеешь, будешь мучиться. Будут у тебя трястись руки и ноги, возникнет ощущение нехватки воздуха, сильное сердцебиение, и посетят тебя гадкие мысли, что ты скоро умрешь... Налево пойдешь – возникнут у тебя неприятности на работе, пойдут осложнения за осложнениями, и будут вызывать тебя на ковер к главному врачу и позорить перед сотрудниками, а измученные твоими ошибками пациенты станут смотреть тебе в глаза и горько-горько плакать, и подавать на тебя в суд иск за иском... А всё это потому, что ты перестала с душой относиться к своей работе, разлюбила ее, и она у тебя больше не получается. А врач-стоматолог не может так относиться к своей работе. Ты вообще не имела права ходить на эту работу». Ой, боже мой, сколько же там написано... Неужели это все уместилось на камне? Тьфу! «Посмотрю, что будет, если идти прямо, – размышляла она. – Как все-таки не хотелось бы это делать, я всю жизнь иду, как робот, прямо – школа, институт, работа, которую я не очень-то люблю... И никогда в жизни мне не хватало духа бросить все и начать с нуля, с чего-то совсем другого». Вопрос состоял еще и в том, чем бы она хотела заниматься? Ответа на этот вопрос у нее не было. Да и камень этот выдуманный предлагал ей весьма странные пути отступления от прямой дороги. И заниматься тем, что она всю жизнь делала, ей не хотелось, и чего же хотелось-то – она не знала. И Мирабелла продолжала плыть по течению, в глубине души ругая себя за это. И только где-то в подсознании у нее теплилось желание очень круто все поменять, но эта мысль так и оставалась лежать под спудом. А этот чертов камень выдал ей такие негативные варианты! Ей оставался, как всегда, путь вперед. Она вздохнула и прочитала третью надпись с последней надеждой на некое светлое будущее:

«Прямо пойдешь – так и останешься дура душой, то есть одинокой, одичавшей бабой без мужика, с грустными, тоскливыми глазами и несносным характером. Все окружающие люди будут по-прежнему шептаться у тебя за спиной, что ты неудачница и никому не нужна! А у тебя постепенно испортятся и фигура, и характер. И ничего тебя в жизни не ждет, кроме одинокой старости и мыслей о каком-то утраченном тобою чуде, о том, что все в этой жизни так и прошло стороной». После чего гадкий камень вдруг показал оторопевшей Мирабелле язык.

– Да что же это? Ах ты мерзавец! Что же это за выбор такой? Хоть бы что-то положительное! Одни унижения и угрозы! – разозлилась она и, несмотря на миролюбивый характер, кинулась на него с кулаками.

Камень отскочил от нее, словно был резиновым мячиком, и больно ударил в темя. У нее в глазах вспыхнули искры...

Мирабелла вздрогнула и проснулась. Лежала она, как выяснилось, на полу, рядом с собственной кроватью, в глазах мелькали яркие точки, в голове пульсировала острая боль от

удара макушкой об острый угол прикроватной тумбочки. Мирабелла посмотрела на смятое белье на кровати – и ужаснулась.

«Господи, что это со мной? С самого детства я с кровати не падала. Совсем я дошла... Как цела только осталась? Так больно! Что это за сон был идиотский? Впору просить кого-то о помощи!»

В этот момент в комнату ворвалась тяжелая семейная артиллерия, то есть ее мама, Александра Ильинична, в своем неизменном ярком халате, туго затянутом на талии. Менялась только ткань халатов: зимой мама носила фланель, а летом – бязь. На ее любимых халатах с примелькавшейся расцветкой, к стыду Мирабеллы, уже появились заплатки.

– Дочь, что случилось? Такой был грохот, я думала, потолок обвалился! Сейчас столько пишут о взрывах бытового газа, о терактах! – прижала руки к груди Александра Ильинична. – Так ты с кровати упала?! А что случилось-то?

– Ничего, мама, не волнуйся. Страшный сон приснился. Вроде я жива осталась... – смутилась Мирабелла.

– Ох, ничего себе – страшный сон! Смотри, какая шишка на голове! Ужас! Ну вставай. Ой, не поднять мне тебя...

– Шестьдесят килограммов живого веса, – попыталась пошутить Мирабелла; у нее слегка кружилась голова.

– Так рост-то какой у тебя! – многозначительно добавила Александра Ильинична.

– Сто семьдесят четыре... При чем тут рост? Я падала не со своего роста, а с высоты кровати, а она для всех на одной высоте.

– Вот! Высокая у меня доча и красивая! – Александра Ильинична все-таки подняла ее на ноги.

– Только никому я не нужна, – добавила Мирабелла.

– Что? – не поняла мать.

– Если прямо пойдешь – ужас... – грустно добавила пострадавшая дочка. – А если налево или направо – тоже ничего хорошего не получится...

– Что-о? Мы с отцом тебя не учили ходить налево! Какое «лево»? Какое «право»? Ой, как плохо, что ты головой стукнулась! Мозг – это такое дело... Почему ты никому не нужна? Что это за мысли в голове у тебя появились? Ты мне нужна! Сестре своей нужна! Как ты такое можешь говорить?

Александра Ильинична быстренько выпроводила дочь в ванную комнату, закрыла дверь и сообщила:

– Приведи себя в порядок, на замок не закрывайся! Вдруг тебе опять станет плохо, упадешь... Я дверь не выломаю!

– Хорошо, мама, – ответила Мирабелла, включила душ и встала под упругие струи воды. Из головы ее все еще не выветрился ночной кошмар, да и кружилась она.

«Меня так задел этот сон, что я прыгнула с кровати, словно выскочила из самолета без парашюта, – в никуда, в бездну, только чтобы больше не видеть этих предсказаний! Потому что это не просто кошмар, это – моя жизнь». Она взглянула на себя в зеркальный потолок.

На нее смотрела усталая, привлекательная, в общем, женщина с великолепно сохранившейся фигурой, полудлинными пышными золотистыми волосами и большими, красивыми и абсолютно потухшими голубыми глазами.

Мирабелла отвернулась: ее даже собственное изображение раздражало.

Родилась она недоношенным ребенком, практически после похорон родного отца, трагически погибшего совсем молодым. Его молодая беременная жена Саша так убивалась на похоронах, что прямо с кладбища ее и повезли в роддом, со сроком в семь месяцев. Девочка родилась крошечной – кило семьсот, совсем не хотела дышать самостоятельно, но, вопреки прогнозам врачей, выжила. Ее мама и отец познакомились еще в детстве на фильме

румынского режиссера «Мария, Мирабелла» и затем решили, что, если у них родятся две дочери, они их так и назовут. Ей досталось это необычное для России имя – Мирабелла, сокращенно все ее называли Беллой. Она выросла, посмотрела этот фильм и подумала, что по своему темпераменту, характеру и внешности должна была быть Марией. Мирабелла в фильме была девочкой очень активной, энергичной и решительной. Белле же всегда не хватало жесткости, твердости и, самое главное, решительности, в том числе и на то, чтобы изменить что-то в своей судьбе. Когда Александра, ее мама, родила ее, она была студенткой медицинского института, на пятом курсе. Все были потрясены трагедией, случившейся в молодой семье, и поддерживали Сашу, как могли. За ней стал ухаживать мальчик с ее же курса, несмотря на наличие юной дочери, но она не ответила на его чувства. Саше дали академический отпуск на год, а затем она вернулась к учебе, уже имея годовалую Мирабеллу, потом осталась в аспирантуре, на кафедре кардиологии.

Через два года она познакомилась с хирургом Игорем Леонидовичем Заречным, старше ее на пятнадцать лет, и, неожиданно для многих друзей, они благополучно создали семью. Так в жизни Мирабеллы появился отчим. Ей к тому времени исполнилось пять лет. Жили они вместе очень хорошо. Единственное, на что Александра Ильинична не могла решиться, – родить еще одного ребенка. Ее преследовал один и тот же сон: что она стоит, беременная, у свежей могилы. Она говорила, что не может вновь потерять мужа, а это непременно случится, если она забеременеет от него, что это знак, и сон – неспроста! Игорь Леонидович пытался уговорить ее и по-хорошему, и по-плохому, плакал, умолял, грозился уйти...

– Я очень хочу своего ребенка! – пытался донести он до сердца молодой жены одну-единственную и такую важную для него мысль.

Но его «законные» просьбы разбивались об ее железное непонимание и жуткий страх. Игорь Леонидович даже определил ее на сеансы психотерапии, чтобы снять психологическую травму, которую она пережила при первой беременности, но и врач ей не помог. Через десять лет Игорь Леонидович встретил женщину, которая родила ему сына, и без скандалов, при полном понимании со стороны бывшей жены, ушел к ней. Александра Ильинична не проронила ни слезинки, не сказала ни слова. Они остались в дружеских отношениях, наверное, потому, что Александра понимала – он имел полное право так поступить. Игорь Леонидович приходил к Мирабелле, считая ее своей дочерью, по первой же просьбе Саши оказывал помощь своей бывшей семье. Однажды, совершенно неожиданно для всех, Александра Ильинична сообщила своей шестнадцатилетней дочери, что скоро у нее будет сестра.

– Мама?! – оторопела Мирабелла. – Но... как?!

– Как и все женщины – естественным природным способом! – ответила Александра Ильинична.

– Но ты же не замужем!

– Именно поэтому я и могу позволить себе родить второго ребенка. Я не знаю, кто отец этого ребенка. И мне будет все равно, случится с ним что-то или нет... Я даже не знаю, где он!

– Как не знаешь? – удивилась Белла еще сильнее.

– Мама твоя специально сделала эту глупость в отпуске на юге. Не ругай мать! Свою жизнь ты будешь строить сама, а я уж доделаю собственные ошибки, – ответила ей Александра Ильинична, пребывая в прекрасном расположении духа. Она была благодарна любимому мужу за то, что он ушел от нее и она смогла сделать такую «глупость».

И с этого дня на Александру Ильиничну снизошло умиротворение. Она погрузилась с головой, словно в теплое море, в свою беременность. Игорь Леонидович, конечно, был в шоке: долгих десять лет он упрашивал Александру родить ребенка и получал твердый отказ. Стоило ему уйти от нее к другой женщине, как она тут же непонятно от кого забеременела!

– Ты самая непостижимая женщина, которую я знал! Почему ты не родила от меня? Сохранилась бы семья! Я никогда этого не пойму! – возмущался он.

– У нас и так всегда будет семья! – заверила она его. – У тебя прекрасная жена Лариса и сын Данилка. Не переживай, Игорь, всё идет как нужно. Значит, это должно было произойти, и мы все останемся в выигрыше!

Игорю Леонидовичу пришлось забирать Александру из роддома, где ему сказали:

– Какой вы, однако, проказник! Не так давно забирали одну женщину, с сыном, сейчас уже другую – с дочерью.

Сестренку Мирабеллы называли Марией – и сбылось желание первого мужа Александры Ильиничны. С младшенькой она намучилась: просто пацан-сорванец, а не девчонка! Непоседливая, озорная, хулиганистая, активная. Александра Ильинична родила второго ребенка в достаточно зрелом возрасте, и ее на Марию просто «не хватало».

Мирабелла стала сестренке и нянькой, и мамкой, и бабкой, на долгие десять лет отказавшись от личной жизни. Она отводила малышку в садик, потом в школу, занималась с ней, ходила на школьные собрания. Больше помочь им всем было некому. Мирабелла ухитрилась поступить в медицинский институт и достойно там училась. После занятий студенты бежали в кафешку или на дискотеку, а она – за маленькой сестрой, чтобы отвести ее на кружок. Оставлять ее без какого-либо занятия было невозможно: на ее поведение жаловались соседи, страдала мебель в квартире. Один раз Мария даже устроила дома пожар.

– Не ребенок, а какой-то чертенок! – сокрушалась Александра.

Мирабелла стала врачом-стоматологом, впряглась в работу на полторы смены, чтобы содержать мать и сестру; это продолжалось долгие годы. А когда Мария выросла, Белле уже было за тридцать, и на какое-то время у нее отпало желание создать семью. Наверное, ей психологически хватило матери и сестры. А когда это желание появилось, было уже поздно. Мирабелла осталась одинокой, несчастливой в личной жизни женщиной. У других была любовь, семья, дети, она же только смотрела на чужую жизнь со стороны, завидовала и недоумевала. Белла была очень красивой, на нее постоянно обращали внимание и предлагали какие-то отношения. Но Мирабелла не любила никого, а от женатых мужчин и «просто секса» шарахалась как от огня. Она инстинктивно понимала, что это не принесет ей счастья. Она прослыла неудачницей. Мирабелла замкнулась в себе, тая от окружающих все свои комплексы и обиды. С сестренкой у нее сложились очень хорошие отношения, они были абсолютно разными, но при этом очень любили друг друга. Мария – совсем другая, и Белла радовалась за нее, словно вдвоем они проживают настоящую жизнь, которой она сама хотела бы жить, но так и не сумела.

Мирабелле велели поступать в медицинский институт, и она так и сделала. Сказали, что нельзя встречаться с мужчинами до брака, и она не встречалась. Сказали – будешь помогать сестре, и она помогала. Мария же всегда делала что хотела. Когда ей сообщили, что в их семье все медики и она тоже должна поступать в медицинский, она ответила: «Ха!» – и стала учиться на историческом по специализации археология. Она постоянно сбегала из дома, путешествовала по стране автостопом, изучила два языка, ездила по программе обмена студентов в США и Германию. Была легкой на подъем, могла начать какое-то дело, затем бросить и заняться совсем другим. Мирабелла ее как-то отругала:

– Должны же быть какие-то обязательства перед людьми. Пообещала – сделай! Свобода свободой, но есть и обязанности!

– У меня обязательства в первую очередь перед собой! – сказала тогда Мария – худая, высокая, жгучая брюнетка с восточным разрезом глаз.

– А ответственность за других? – недоумевала Мирабелла.

– Из-за этого появляются преждевременные морщины, седые волосы и невроз! Как у тебя, – ответила Мария, слушая веселую музыку. И, заметив, что сестра бросилась к зеркалу в поисках указанных признаков старения, громко засмеялась: – Я пошутила! Ты у меня еще о-го-го!

– Ты думаешь? – прищурилась старшая сестра.

– Да ты просто красавица!

– Вот негодная девчонка! Не изображай, что тебе на всех наплевать!

– А ты не строй из себя «мамочку»! Я уже выросла! – заявила Мария, у которой никогда не было особой душевной близости с матерью.

Александра Ильинична все время в чем-то укоряла Марию, ставя старшую дочь ей в пример. А уж когда она сказала – если бы знала, что у нее будет такой дьяволенок, а не дочь, вообще не стала бы рожать, – они поссорились очень серьезно и с тех пор общались с помощью и посредством Мирабеллы. Она заступалась за сестру, но и маму обидеть не могла. Она понимала, что у мамы тоже есть свои проблемы и ее надо понять и пожалеть.

Однажды между сестрами произошел откровенный разговор. Мария зажмурилась и спросила:

– Ты когда-нибудь думала о Вселенной?

– О чем?

– Об огромном темном космосе, наполненном звездами и планетами и наверняка чьими-то жизнями... Кто-то далекий спрашивает себя, глядя в небо: есть ли там жизнь, как мы спрашиваем? И какая она? И кто-то спорит с пеной у рта, что космос бесконечен, а кто-то утверждает, что и космос конечен... А я думаю – глупо тратить время на такие споры. Ведь никто не узнает правду! Так здорово – просто смотреть в небо и мечтать! Тебе не кажется?

– Я не знаю. Я никогда даже не задумывалась об этом. Наверное, я очень приземленный человек, – ответила Мирабелла.

– Ты живешь с каким-то ненормальным грузом ответственности на душе: за меня, за маму, за своих пациентов, за себя, всегда стараешься «держать лицо». Так и с ума сойти можно! Тебе некогда было мечтать, это же страшно, – ахнула Маша.

– А ты знаешь, каково это – отвечать за кого-то? – усмехнулась старшая сестра.

– Знаю. У меня есть один-единственный груз на душе, – серьезно ответила Маша.

– И могу я узнать какой?

– Это тайна.

– Тайна?

– А-а, ладно! Я никогда не умела хранить тайны. Это – груз моей ответственности перед тобой. Ты думаешь, я не понимаю, что «приземлила» тебя именно я? Ты возилась со мной – все время! Да что там говорить... Ты была такой же веселой девчонкой, как и я сейчас! Если бы на мою шею повесили ребенка, да еще такого капризного, как я сама, я бы с ума сошла. Сколько себя помню, со мною все время была ты. Я так благодарна тебе, и мне так больно, что из-за меня ты так и не стала свободной и счастливой!

Мирабелла прослезилась:

– Я не знала, что ты об этом думаешь...

– Я не просто перекаати-поле, как вы с мамой говорите. У меня есть душа, и я все это чувствую, я очень люблю тебя, но обуздать свой нрав я не могу! У меня внутри просто все горит. Словно я все время чего-то ищу... Я не знаю, кто был мой отец. Может, он был таким же? Может, это его гены во мне бурлят, а?

– Я не знаю, и мама не знает... или говорит так...

– Как это возможно – не знать такого?!

– Не обижайся на нее, Маша! Она немного странная, но она любит тебя. Просто вопрос твоего появления на свет для нее был очень тяжелым решением. Ей вообще всегда было трудно...

– Я ее об этом не просила, – безапелляционно заявила Мария.

– А это – как космос. Так уж получилось, что родилась именно ты, и именно тогда, и именно от того, кого мы даже не знаем, – вздохнула Мирабелла. – А обо мне не думай!

Живи как живешь, мы сами делаем свой выбор. В том, что со мной произошло, вернее, с моей жизнью, есть доля и моей вины. В первую очередь – это моя вина!

– Если бы не ты, я не стала бы такой свободолюбивой. Как ты жила без любви? – вдруг совершенно серьезно спросила Мария.

– Не знаю, не встретила я ее.

– А вот мне все время встречается! – самодовольно заявила Мария.

– Мама не одобряет, что у тебя так много мальчиков.

– Кто бы сомневался! – фыркнула Маша. – Она еще не знает, что я с ними спала, и не с одним.

– Маша! Я тебя умоляю! – засмеялась Мирабелла.

– Ты ханжа? – удивленно вскинула тонкие черные брови Маша.

– Надеюсь, нет.

– Ты меня тоже не одобряешь?

– Я против беспорядочных связей.

– А они очень порядочные! Просто один месяц я встречаюсь с Димой, а потом мне вдруг нравится Пашка. Это плохо?

– Я не знаю. Господи, я ничего, оказывается, не знаю! Наверное, так и происходит с молодежью, – пожала плечами старшая сестра.

– Ты все это пропустила? – уточнила Мария.

– Боюсь – да. Поэтому я не буду тебя ни учить, ни осуждать, но и поощрять, извини, тоже не стану.

– Спасибо и на этом.

– Но я надеюсь, что ты предохраняешься? – спросила Белла, вспомнив о главном.

– Ого! Кто бы говорил?! – присвистнула Мария. – Откуда у тебя такие познания?

– Исключительно теоретические, – сказала Мирабелла. – И я как врач спрашиваю.

– Не бойся, у меня не будет незапланированных детей. А вот тебе пора бы родить! – парировала сестра.

– Что? Прекрати! Не говори глупости!

– Да! А то будешь еще неудачливее мамы! – не отставала от нее Маша.

– Что ты имеешь в виду?

– Она хоть и сделала глупость, разрушила семью, родила меня... Спокойно! Я знаю, что говорю, и нормально к этому отношусь! Но ведь ты совсем ничего для себя не делаешь. Так нельзя! Надо что-то делать, возможно, ошибаться при этом, но делать! Неужели ты ничего не хочешь изменить в своей жизни?

– Хотела бы – на этот вопрос я отвечаю утвердительно. Хотела, да, но не решалась, и никогда бы...

– Решилась бы! Тебе просто требовалась помощь!

– Чья? В чем?

– Какое-то мощное «ускорение» или резкая перемена житейских обстоятельств.

Белла рассмеялась:

– Только не придумывай ничего лишнего!

– Нет, тебе точно нужен хороший пинок! А в кого бы ты смогла влюбиться? – продолжила допрос Маша.

– Ого! Ну у тебя и вопросы! Я не знаю. Трудно даже фантазировать на эти темы. Давай лучше о космосе! Как ни странно, но это яснее, чем любовь и мужчины!

– Мы о твоей жизни говорим! А ты – о каком-то космосе! Ты для меня важнее космоса! – выпалила Маша и задумалась. – Ты – не я. Ты бы влюбилась в совершенно неординарного, и красивого, и умного, и веселого, и...

– Ого! В такого человека я бы точно влюбилась, – поддержала ее Мирабелла.

– Главное, он должен быть безумно сексуальным, чтобы сразу же буквально сбить своей энергетикой с ног такую старую деву, как ты! Прямо на диван! А там уже и до племянников недалеко! Дело техники!

– Ах ты чертовка! – рассмеялась Мирабелла и бросила в сестру подушкой.

Глава 2

– Что говорит Маша? – спросила Александра Ильинична у Беллы, когда та вышла из ванной комнаты. – Я же знаю, что вы полночи просидели в этом... в склепе.

– Не в склепе, а в скайпе, – поморщилась Белла.

– Ну, в нем. Так что она говорит? Со мной она так сухо всегда обращается: «Привет! Всё хорошо» – и всё! – пожаловалась Александра Ильинична, покосившись на нее.

Мирабелла знала этот взгляд: мама очень хотела знать, что происходит в жизни ее младшей дочери, как она считала, непутевой, но сердце-то болело за Машу. Она и самой себе не признавалась, что очень любит ее, все время прячась за маской «пусть живет как знает» и обижаясь на Машу, что та предпочитала для бесед старшую сестру.

– Не сгущай краски, мама. Нормально она с тобой говорит! Вы обе – как дети, честное слово! Она вполне самостоятельная, самодостаточная личность! После института сразу же оказаться приглашенной на серьезные раскопки в Украину – это большая честь для нее.

– Какая там честь! Ковыряться в земле. Что это вообще за работа такая? Никакой пользы людям! – фыркнула Александра.

– Людям конкретно – нет, а человечеству в целом это очень даже может быть полезно, – не согласилась с мамой Белла, как всегда заступившись за младшую сестру.

– Нет, я этого категорически не понимаю. Вот быть врачом – это понятно, быть учителем – тоже ясно. Даже писателем! А кому нужны эти черепки?

– Мама, это – история. Мало того, это прямое проявление истории! Так сказать, живое проявление жизни до нас! Без прошлого нельзя жить! – Меньше всего, да еще и с шишкой на затылке, Мирабелле хотелось бы вступать с мамой в полемику. Но так случалось всегда, когда речь заходила о Маше.

– История, – проворчала Александра Ильинична и достала из морозильника пачку пельменей. – Держи, – протянула она ее дочке.

– Что? Прямо так съесть? Сырыми? – удивилась Мирабелла.

– Да не есть! Нет, ты точно здорово приложились! К голове пачку приложи! Жуткая шишка у тебя вырисовывается.

– Мама, они же слипнутся! – заметила Мирабелла.

– Ну и что? Главное, чтобы у тебя мозги не слиплись! На работу я уже позвонила и отменила твой прием.

– Что ты сделала? – Мирабелла оторопела.

– Позвонила к тебе на работу и сказала, что ты не придешь. Куда ты пойдешь с таким лицом? Пациенты тебя испугаются, да и сотрясение ты получила – о-го-го! Это я тебе как врач говорю!

– Мама, ну сколько можно?! – возмутилась Мирабелла.

– Что такое?

– Мне уже столько лет! А ты все за меня решаешь! Что обо мне на работе подумают? Звонит моя мама и говорит, что я на работу не выйду, потому что у меня шишка на голове и я распугаю всех пациентов!

Александра Ильинична невинно посмотрела на нее.

– Да ладно тебе! Меня там все знают! Потом, я честно сказала, что ты упала с кровати и у тебя сотрясение! Так сказать, ничего не преувеличила!

– О нет! – Мирабелла закрыла лицо пакетом с пельменями.

– О да! Ты поддержи пакет-то! Минут десять хотя бы. Что еще Мария тебе рассказала? Ты не отвлекайся... Наверняка о парнях что-нибудь... Не сделает она меня бабкой? – то ли с надеждой, то ли с ужасом спросила мама.

- А ты бы этого хотела? – засмеялась Белла.
- От тебя я хотела бы внуков дожидаться... да куда там! – Мать сокрушенно махнула рукой. – Как Маша живет-то?
- Да все у нее хорошо. Живут они в палатках...
- Чего же хорошего, в палатках-то? Как в войну! – забеспокоилась Александра Ильинична, ставя перед Беллой завтрак, включавший в себя яичницу-глазунью, бутерброд с сыром, творожок, политый домашним вареньем, и чашку кофе.
- Мама, там тепло. Им так удобнее и сподручнее. Рядом работают, тут же и живут.
- В антисанитарных условиях, – покачала головой мать.
- Ну почему же? У них и вода есть, и аптечка, и походная кухня.
- Ты мне правду скажи. Мария мне назло так поступает или ей действительно нравится такая жизнь? – спросила Александра Ильинична, присаживаясь напротив дочери. – Может, все-таки хочет мне насолить?
- Мама, конечно, ей нравится! Ей уже двадцать один год, она дипломированный специалист, и вместе с ровесниками она занята любимым делом!
- Знаю я, каким делом она занята с ровесниками! Гулянки одни у нее в голове, а то и еще что похуже! Я не вчера родилась, телевизор смотрю! – нахмурилась мать.
- Мама, не думай о своей дочери так плохо. Маша – умная девочка и все понимает. Вам надо научиться друг друга слышать и уважать!
- Она тебя больше любит, – задумчиво проговорила Александра Ильинична, – хотя это закономерно. Ты с ней возилась в детстве больше меня. Я – плохая мать!
- Тебя она тоже любит, успокойся, – заверила мать Мирабелла, уплетая яичницу за обе щеки. Пакет с пельменями она положила на стол.
- Александра Ильинична убрала его обратно в морозильную камеру.
- Я ведь тоже плачу по ночам, понимаю, что я тебе жизнь сломала, родила Машу и повесила ее на тебя, а ведь ты об этом не просила, но я и слова упрека от тебя не услышала. Ты у меня золотой ребенок, за что и поплатилась. Все только восторгаются тобою! Какая Мирабелла добрая и умная! Какая она красавица! А о том, что Мирабелла – несчастнейший человек, никто не догадывается. – Александра Ильинична вытерла глаза уголком кухонного полотенца и вздохнула.
- Мама, прекрати! Я взрослая самостоятельная женщина, и у меня все хорошо! Вы с ума, что ли, все посходили? Друг друга обвиняете в моей испорченной жизни, только меня забыли спросить, что я-то думаю по этому поводу.
- А кто еще? – заинтересовалась Александра Ильинична.
- Маша!
- А, значит, она не всю еще совесть прогуляла! Тоже поняла, что повисла на тебе камнем! – покачала головой пожилая женщина.
- Мама, никогда не говори так о Маше! – строго потребовала Мирабелла.
- Хорошо-хорошо! Защищаешь ее... Я, значит, плохая. Сдаюсь! – махнула полотенцем мать.
- Обе вы хорошие, – отпила глоток свежесваренного кофе Белла и зажмурилась от удовольствия. – Вкусный ты кофе купила.
- Тот, что ты и просила – «Карамель со сливками». Позволила себе в дорогом магазине купить, – ответила мама.
- Кормилица ты наша!
- Мирабелла вдруг ощутила себя абсолютно счастливым человеком, увидев лицо матери.
- Мама, почему у тебя на халате второй карман из другой ткани? – спросила она.
- Это? Ну, так... это я...

– Ты долго меня будешь позорить? Что за импровизации в дизайне? Ты же взрослый человек! Мы живем скромно, я понимаю, и Машке приходится деньги отсылать ежемесячно...

– Получает копейки со своей археологией, надо было врачом работать! Больных на всех хватит!

– Мама, прекрати! Я не об этом! Я о том, что достаточно зарабатываю, чтобы хватило и на продукты, и на новый халат! И не только на халат! Ты должна хорошо одеваться, это понятно? С ног до головы – в самое лучшее и качественное.

– Беллочка, дорогая, но нельзя же так поступать с любившейся мне вещью. У нее даже запах – мой! И из-за какой-то дырочки я должна ее выбрасывать? Нет, конечно! Меня и моя мама так учила. Ставишь заплаточку, и все! Экономной надо быть, это же не нищета! Это даже по-хвально.

– Ох уж эта экономия твоя, мама! А люди что про меня подумают? Что я, расфуфыренная, иду на работу, а мать в халате с заплатками ходит?

– Да люди все знают про тебя! И я в полном порядке с головы до ног. Просто я экономная, – упрямо повторила Александра Ильинична, размешивая чай. – Скажем, ты на самом деле считаешь, что женщина может быть счастливой в полной мере без мужчины?

– Наверное, да, – пожала плечами Мирабелла.

– Горе мне! Это я виновата! Так я тебя воспитала... Чего-то недодала...

Мирабелла рассмеялась:

– Зато Машка оторвется за нас обеих.

– Это-то да... Кстати! Ой, хорошо, что вспомнила! Заговорили о Машке... Вот ведь голова дырявая!

– Что, мама?

– Она же звонила сегодня, ни свет ни заря. Еще до того, как ты набила шишку.

– Что случилось? Я с ней недавно говорила, она так часто обычно не звонит, тоже экономит... хоть с этим вы с ней похожи, – забеспокоилась Мирабелла. – Так что случилось?

– Случилось с ней это еще тогда, когда она в археологический пошла и от рук совсем отбилась – с твоей помощью. Все заступалась за нее! А сейчас мы пожинаем плоды, – философски ответила Александра Ильинична.

– Мама, не томи! Она редко звонит, экономит деньги! Точно, что-то случилось!

– Ага! Экономит она – звонок за наш счет пошел. Хитрая! А потом: я монстр, что ли? Если бы с ней что-то случилось, разве я так спокойно с тобой сидела бы и разговаривала? Как-никак сердце у меня за нее болит так же, как и за тебя, только по другому поводу! Вот тебе бы прибавить приключений, а ей – убавить. Взять бы ваши жизненные позиции, перемешать и разделить пополам! И росли бы у меня две идеальные дочки!

– Ну ты даешь, мама! – У Мирабеллы даже голова перестала болеть. – Ты же говорила о том, что я идеальна, а уж хуже Маши и нет никого. А теперь заявляешь о каком-то «перемешивании», да еще и о добавлении приключений в мою жизнь! Это нормально? Поздно мне уже приключения ловить на пятую точку!

– Я же говорю, что ошиблась с твоим воспитанием, умные мысли только с возрастом приходят! – ответила Александра Ильинична. – Вон сидишь с таким «рогом» на голове, а наставлять-то рога – и некому! Может, прояснится у тебя в голове после такого удара? Найдешь мужичка нормального, и заживете... с этим... с сексом?

– Мама! Хватит!

– Ладно, ладно. Машка-то почему звонила?..

– Господи, ты меня с ума сведешь!

– Они остановились неподалеку от одного хутора, иногда с ребятами ходят туда за продуктами. Есть-то им хочется! Походная кухня! – передразнила мать Мирабеллу. – Сидя на одних консервах, много не раскопаешь! Физический труд на свежем воздухе!

Мирабелла еле сдержалась, чтобы не рассмеяться. Не давала маме покоя выбранная младшей дочерью профессия. Она упорно не хотела признавать, что это интересно, сводя все исключительно к физическому труду. Просто собрались очень недалекие люди и роют большую яму – ни для чего. Поэтому им и платят так мало, считай, подают милостыню. Тогда уж можно было бы сказать – лучше бы Маша шла рыть траншею для прокладки канализации. Понятно, для чего это бы делалось. Или рыть могилы.

– А на хуторе том и магазина-то нет, у людей все свое. Женщина одна очень по-доброму к ним отнеслась – и ночлег дает тому, кто заболел, и продукты, и хлеб продает им за копейки. Ну, видит – дураки молодые роют что-то. И помыться разрешает. Ты же понимаешь, что они все в земле, словно кроты?

– Понимаю, – улыбнулась Мирабелла.

– Вот, а у нее есть сын, Григорий. Самый сильный на хуторе – трактор одной рукой поднимает. И просто бредит парень, хочет в Москву поехать и поступить учиться на силача.

– На кого? – не поняла Белла.

– Ну, вот на этого... Палку с гириями такие поднимают... запомнила я что-то название специальности...

– Штангист? Тяжелый атлет? – подсказала ей Белла.

– Вот! Точно! На штангиста, в институт физкультуры! Целый год он учил русский язык и математику, чтобы поступать. И ребята какие-то, что с Машей в лагере работают, занимались с ним. Может, поэтому его мать им и помогала? Хочет, чтобы ее сын на Олимпиаде выступал и не только на хуторе люди знали бы, что он силач, но и во всем мире. Все нормативы по штанге он сдаст, они в этом даже не сомневаются, а вот математика... Хотя, если он на самом деле такой сильный, этот самородок, и действительно сможет побить олимпийские рекорды, кому нужна его математика? Как говорится, сила есть – ума не надо. В институт физкультуры не профессоров, чай, берут! Они все и в школах-то плохо учатся, все время на тренировках и сборах...

– Мама, ну что ты такое говоришь?! Вот как ты можешь обидеть человека – и даже не заметить этого? По-твоему, все спортсмены – тупые?

– Я этого не говорила!

– А прозвучало именно так. Так чего же Маша хотела?

– Попросить нас помочь ему! Парень из глухого села, никуда не выезжал, а тут – Москва, он растеряется напрочь! Для него «потолок» – областной центр, это как в Москве один квартал! Чтобы мы его встретили и помогли добраться до института физкультуры. А там на время сдачи экзаменов иногородним общежитие дают.

– Ну хорошо, поможем, – согласилась Мирабелла.

– Он сегодня вечером приезжает. Вот, у меня все записано: поезд номер пятнадцать, Киев – Москва, вагон номер восемь. Надо встречать его с табличкой: «Григорий».

– Сегодня? В котором часу?

– В семь вечера.

– Хорошо, я встречу, табличку только сделай.

– Ладно. А еще...

– Что? – напряглась Мирабелла. Она хорошо знала этот особый голосок Александры Ильиничны: матери явно чего-то еще хотелось.

– Вчера Зина приходила.

– Какая Зина? Соседка? – уточнила дочь.

– Она...

– Мама, не тяни. Что ей надо? – спросила Мирабелла.

– Котик у нее захворал. Кушает плохо, шерсть выпадает. Да ты его знаешь. Такой серенький, Барсик.

– И что? Мы-то тут при чем? – не понимала Мирабелла, не помнила она никакого Барсика, и к тому же она терпеть не могла кошек. Если бы у нее была возможность завести домашнее животное, то это была бы собака.

– Белла, Зине уже под восемьдесят! Она еле ходит, попросила меня отнести ее кота в ветеринарку. Денег дала, от пенсии оторвала пятьсот рублей, – пояснила Александра Ильинична.

– Ну так и отнеси Барсика! – глотнула кофе Мирабелла. – Сама! Твоя же знакомая...

– Какая ты злая, дочь!

– Да? Правда?

– Ты же сегодня не работаешь, – напомнила ей мать.

– Нет, – пряча улыбку, ответила Белла.

– Я – старая женщина, – продолжила Александра Ильинична.

– Не такая уж и старая!

– Неважно!

– Ты пообещала помочь *своей* подруге!

– Мирабелла...

– Хорошо! Ладно! Съезжу я с этим котом куда скажете, что еще? Тебя не переспоришь все равно!

– Больше ничего! – подняла руки Александра Ильинична.

– А когда надо ехать? – спросила Мирабелла.

– С утра.

– С утра я – с котом, вечером – с Гришей. Весь день заранее расписан! Теперь я понимаю, почему ты освободила меня от работы. Словно специально! Ты сделала это для того, чтобы я сегодня поработала для вас всех.

– Не говори ерунды! Ты на себя посмотри в зеркало! Как ты к пациентам пойдешь? Скажут, или докторша пьющая, или муж ее избивает, что тоже позорно. Научись с кроватей не падать! Не маленькая уже! Ты еще скажи, что это я тебя с кровати спихнула, чтобы загрузить делами!

Глава 3

«Лучше бы я пошла на работу!» – в сердцах подумала Мирабелла. Она оделась и отправилась – буквально на растерзание – к соседке Зинаиде. Несмотря на почтенный возраст, энергии этой старушке было не занимать. С ней давно никто не общался, и она решила полностью оторваться на случайно зашедшей к ней Мирабелле. Та не сразу поняла, что она хочет рассказать ей обо всей своей жизни, – начиная от тяжелых довоенных лет, голодного детства, комсомольскихстроек, житья в бараках до последних событий.

Вначале Мирабелла слушала ее с почтением, понимая, что старому человеку скучно, в кои-то веки к ней кто-то зашел в гости, конечно, ей хочется поговорить. Девушку усадили пить чай – в очень «экономном» стиле. Это означало, что заварили две чашки с одним пакетиком, положили в чай по одному кусочку сахара и из глубины шкафа достали весьма древние, непрезентабельно выглядевшие сушки и печенье, уже пахнувшие затхлостью.

Мирабелла начала давиться горячим чаем, но Зина разговор не прервала. Она с упованием стала рассказывать девушке о каких-то своих подругах: Клавдии Ивановне, Стефании Марковне, Серафиме Тихоновне... И о жизни каждой из них. У Мирабеллы округлились глаза. Ей хватило и сведений о жизни самой Зинаиды, а слушать еще и о людях, которых она даже не знала, ей совсем не хотелось. Она стала посматривать на часы.

– Извините, но мне пора. – Она дошла до финальной точки кипения.

– Куда же?! – кинулась Зинаида «грудью на амбразуру». – Еще чайку? А отчего сушечку не берешь?

Мирабеллу усадили обратно за стол, и попытка продолжилась. Не отпихивать же бабушку силой? Мирабелла положила сушку в рот и поняла по ее твердости, что она доисторическая. Она попыталась откусить кусочек, но – безуспешно.

– Ты в чаечке-то ее размочи, кто же так ест? – посоветовала ей Зинаида.

Мирабелле пришлось положить сушку в чашку со слабеньким чаем, пахнувшим веником. Ей не хотелось ни пить, ни есть – ей хотелось поскорее унести отсюда ноги. Причем взять хоть десять котов с собой, только бы уйти!

– Ты чего на стуле елозишь? – спросила Зинаида. – Геморрой, что ли? Так у меня есть прекрасное средство! Я сейчас тебе расскажу, это народная медицина... Берешь марлечку...

– Тетя Зина! У меня нет никакого геморроя! Что вам только в голову пришло? Глупости! – вспыхнула Белла.

– Да, смотрю я, нервная ты какая-то. А! Может, ты в туалет хочешь? Так чего же молчишь? Давай провожу! Ты не стесняйся!

– Не хочу. Мне пора в ветеринарку, а то пока я доеду, пока то да сё, закроется она.

– Ой, не волнуйся! Это недалеко отсюда, и работают они круглосуточно, так что все будет хорошо! Вот когда война была, тогда совсем людям было не до животных, в блокаду в Ленинграде – так и вовсе...

У Мирабеллы всё поплыло перед глазами. Несколько раз она предпринимала робкие попытки покинуть гостеприимную квартиру, но натыкалась на испуганный и чуть ли не плачущий взгляд одинокой старушки и оставалась на месте. Бабка словно бы цеплялась за нее сморщенными сухими руками и повисала на девушке всем своим цыплячьим весом.

Когда за окном уже стемнело, Белла взмолилась о помощи, адресуясь к коту, потому что вечером ей надо было встречать Григория. А значит, если она сейчас же не уйдет с котом на руках к врачу, сегодня к врачу она не успеет.

Совершенно неожиданно соседка Зинаида очень чему-то обрадовалась, когда Белла напомнила ей о коте.

– Ну и хорошо, Мирабеллочка! Поезжай, встречай своего знакомого, с Барсиком всё хорошо будет.

– Как «хорошо»? Он же, как мне сообщила мама, в очень плохом состоянии. – Она даже икнула от неожиданности.

– Ой, Александра преувеличивает, он слегка облысел, иногда от еды отказывается. А в целом – всё нормально. К тому же ему и лет уже много. Это я к чему, дочка! К тому, что днем раньше, днем позже – ничего Барсику не будет. Так что приходи ко мне завтра, тогда и отвезешь моего мальчика.

– Нет! – закричала Мирабелла, представив, что ей предстоит испытать во второй раз эту пытку, если она опять зайдет в гости к бабке. – Я уезжаю завтра! Прямо с утра! Могу только сейчас!

– И куда же ты едешь? – удивилась Зинаида.

– За границу!

– Ого! А куда именно?

– Еще не знаю! – пожала плечами Белла, удивляясь реакции Зинаиды на ее «отъезд». Привыкли все видеть ее включенной, то есть впряженной, в работу, словно она – ломовая лошадь.

– Так ты же завтра уезжаешь и не знаешь – куда? – спросила словоохотливая соседка с какой-то хитринкой в глазах.

– А я так... по горячей путевке. – Мирабелле вновь стало стыдно перед пожилой женщиной за этот вынужденный, во имя спасения ее психики, обман. – Такие, очень горячие! Приезжаешь в аэропорт, к тебе подходит представитель турфирмы и отправляет туда, где есть места. – Белла побагровела, как варёная свёкла.

У Зинаиды округлились глаза.

– Ого! Надо же такое придумать... А если направят туда, где тебе не понравится? Какая-нибудь там Африка...

– И что? Экзотика, – с видом знатока ответила Мирабелла.

– А если туда, где едят тараканов? – не сдавалась соседка.

– Ну и что? Значит, они съедобные или... Там что, другой еды нет, что ли?

– Надо же... Как это у молодежи называется? Экстрим?

– Да, ради выброса адреналина, – согласилась с ней Мирабелла, – зато дешево!

– И ты – любительница адреналина? – уточнила Зинаида и вдруг широко улыбнулась. – Тебе, значит, все дальнейшее там понравится, если ты любишь экстрим.

– А что будет дальше?! – не поняла Мирабелла.

– Сейчас мы Барсика достанем, – деловито ответила Зинаида, осматриваясь.

– Что значит «достанем»?

– Дикий он. Не любит людей, – охотно пояснила соседка. – Не идет на руки, даже ко мне. Не знаю, как ты его понесешь? У меня корзина есть специальная, туда бы его запихнуть, а уж там пусть ветеринары с ним разбираются.

Мирабелла не придавала особого значения этим словам, у нее никогда не жили кошки, и она не знала, что ей предстоит. По ее представлениям, кошка – маленькое животное и уж как-нибудь с ней можно справиться! Котик Барсик оказался пренеприятнейшим животным, с совершенно обычной наружностью дворового кота, со злыми, противными желтыми глазами и жутким голосом.

Он горланил с таким чувством, что было совершенно понятно – он матерится самыми грязными словами на своем кошачьем языке. Дрянной кот был каких-то гигантских, явно не кошачьих размеров, скорее с хорошую собаку. Шерсть жесткая, пыльная, что не очень-то характерно для кошек. По всей видимости, он ни разу не дал себя искупать, да и личной гигиеной явно пренебрегал. Тут-то Мирабелла и разгадала жесткий план Зинаиды. Бабка

кормила ее своими байками добрых два часа, чтобы усыпить бдительность, чтобы Белла уже никуда не делась, как загнанная лошадь. У охотников есть такой прием – измотать жертву. Физически и психологически сломленная Мирабелла именно жертвой себя и ощущала. И вот тут-то и открывается страшная тайна, что питомец Барсик – сущий зверь! В прямом и переносном смысле этого слова! Больше всего Мирабелле «понравились» слова Зины о том, что они сейчас вместе будут загонять животное в корзинку. Кончилось это, конечно, тем, что вся физическая работа легла на ее хрупкие плечи. Что могла сделать с котом сухонькая старушка? Зверь же, почувствовав, что с ним явно хотят что-то сотворить, чего он не планировал в сегодняшнем распорядке дня, совсем разошелся. Кот сопротивлялся так, словно спасал свою жизнь, и кто бы его осудил? Мирабелла вошла в раж и, чтобы наконец покинуть бабкину квартиру, она, обмотав руки полотенцами, все-таки запихнула кота в пластмассовую корзину. То, что у него во рту два ряда острых, как иголки, зубов, а на четырех лапах – острые изогнутые когти, Мирабелла почувствовала всей своей кожей – буквально.

Даже оказавшись в корзине, Барсик не успокоился и продолжал орать жутким голосом. Корзина ходила ходуном, скрипя по всем швам.

– Зверь! – выдохнула Мирабелла, вытирая пот со лба.

– Кто? – спросила Зинаида.

– Кот ваш!

– Зверь и есть. Не человек же!

– Нет, но он настолько агрессивный, просто жуть! Я и не предполагала, что кот может быть таким.

– В последнее время он чувствует себя плохо, да и чужих не любит. Не привык он к ним. Ко мне никто не ходит, – пожаловалась Зинаида.

– Ладно, пойду я, пока у меня силы остались, – встрепелась Белла.

– Ты бы сначала в ванную комнату зашла, – сказала соседка.

– Зачем?

– Ну, чтобы привести себя в порядок, – несколько туманно ответила Зинаида, и Мирабелла послушалась ее.

Увидев свое отражение в небольшом зеркале, она пришла в ужас. Хуже она уже давно не выглядела. Бледное измученное лицо с безумными глазами. На лбу красовалась огромная яркая сине-бордовая шишка. Мама пощадила ее, не сказала, насколько она гнусно выглядит. А сейчас, в довершение образа, ее лоб и левую щеку украсили свежие кровавые царапины. Они покрывали и ее руки. Кофта была в жутких затяжках от когтей кота, а это была дорогая, одна из лучших ее кофт! Она же думала, что сразу после ветеринарки поедет встречать знакомого сестры на вокзал. Мирабелла хотела выглядеть на «пять с плюсом». И вот теперь она вообще никак не выглядела! Стирать кровь с лица было трудно, царапины распухли. Она кое-как припудрила лицо. Впрочем, никакого эффекта это не возымело. Мирабелла взяла корзину с котом и наконец-то вырвалась из бабкиной квартиры. Корзинка оказалась неподъемной. Кот пытался лапой зацепить ее руку. Мирабелла настолько вымоталась, что у нее фактически не осталось никаких сил.

Она доковыляла до шоссе и принялась голосовать. Одинокая женщина обычно не вызывает подозрения у автовладельцев, поэтому машину она поймала быстро и уселась на заднем сиденье. За рулем сидел мужчина лет сорока пяти.

– Куда едем, красавица?

Мирабелла назвала адрес ветклиники и отвернулась к окну, давая понять, что она не склонна к разговорам.

– Это недалеко. Быстро домчимся! – пообещал мужчина.

Кот затих и притворился мертвым, осмысливая ситуацию. «Ну и хорошо! А то от его криков голова уже болит!» – решила Мирабелла.

– Почему такая грустная? – покосился на нее водитель, который явно ее посадил в машину не ради заработка, а желая поговорить.

А Мирабелла как раз этого и не хотела, ей хватило болтовни соседки.

– Я не грустная, я устала.

– Мешки таскала? Или вагоны разгружала? Что-то и с лицом у тебя... Не укротительницей тигров работаешь?

– Можно побыстрее ехать и не обсуждать мою внешность? – очень мягко спросила она.

Мужчина замолчал и громко чихнул.

– Будьте здоровы, – сказала она ему.

– Спасибо.

Машина понеслась по дороге значительно быстрее, водитель продолжал чихать.

– Что же это такое?! Ой! Ай! Прямо разобрало меня... Я вдохнуть не могу... Ой, больно-о...

Из его горла вырвался хрип.

Мирабелла очень испугалась, водителю явно было очень плохо. Он побагровел, схватился за горло и бросил руль.

– Что? Что с вами?! – запаниковала Мирабелла. – Держите руль! Остановитесь!

Она протянула к нему руки, но не достала до руля...

Мужчина продолжал задыхаться, словно ему в горло попал посторонний предмет. Машина вылетела за ограждение и стремительно помчалась к ларьку. Свет померк в глазах Мирабеллы даже прежде, чем она ощутила боль или даже услышала звук от удара. Произошло все очень быстро...

Глава 4

Она смутно слышала голоса, над ее закрытыми веками ощущалось какое-то движение... Суета, шум, мелькание огоньков...

Мирабелла пришла в себя. Открыла глаза – и ослепла от солнечного света. Солнце висело над ней, почему-то заключенное в пластиковую оболочку, и било лучом в глаза. Она не сразу поняла, что это всего лишь капельница.

– Очнулись? Просыпайтесь, пора уже! – донесся до Мирабеллы чей-то приветливый голос.

Она повернула голову и увидела молоденькую девчонку в белом медицинском халатике.

– Где я?..

– В больнице, в травматологическом отделении, – охотно пояснила девушка. – Вас сюда доставили после автомобильной аварии.

Мирабелла заметила, что ее мысли путаются.

– Вчера? – испугалась Мирабелла. – Со мной всё совсем плохо?

– Как раз, на удивление, ничего страшного – несколько ссадин, порезов и ушибов. То есть внешне все выглядело не очень хорошо, а на самом деле кости целы и органы тоже. Конечно, сотрясение мозга у вас сильное, – задумалась девушка.

– Поэтому у меня так голова гудит? – Мирабелла подняла руку к голове. – Меня что, побрили наголо?!

– Успокойся! На голове бинт, ушибли вы ее, вот и всё! Целы ваши волосы.

– Слава богу! – выдохнула Белла.

– Женщины почему-то боятся, что их постригут налысо. А вот мужчинам всё равно, – хихикнула медсестра. – Хотя, начиная лысеть, они паникуют.

– А почему я ничего не помню? – вновь забеспокоилась Мирабелла.

– Вас накололи и обезболивающими, и снотворными, чтобы не возник болевой шок. Затем рентген сделали и МРТ. А вы всё спали, спящая царевна. Оказалось – ничего страшного...

– Мутит, – поморщилась Белла.

– Тошнить долго может после аварии... Сотрясение мозга к тому же...

– Я еще посплю? – зевнула Мирабелла.

– Конечно, отдыхайте, я зайду позже, капельницу сниму. Я сделаю всё очень аккуратно, вы даже не почувствуете...

– Спасибо, вы очень милая, – сказала Мирабелла, засыпая.

... – Как вы можете лечить людей? – спросил у Беллы высокий мужчина в темном пиджаке, почему-то с размытым лицом.

– Я их лечу уже лет шестнадцать, и претензий не было! – ответила она.

– Вы хоть на себя посмотрите! – строго сказал мужчина.

– Что? Что со мной не так?! – забеспокоилась она, чувствуя, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой.

– Сколько килограммов кариеса вы высверлили из их зубов?

– Что-о? – Она не ожидала такого дикого вопроса.

– Килограммы гнилых костей! И все это вы вдыхали! Вы растворяетесь! Вы гниете! У вас тоже выпадают зубы и волосы! На вас неприятно смотреть, уходите! Уходите, Мирабелла, и больше не возвращайтесь! – закричал он.

Мирабелла ошарашенно уставилась на свои руки и увидела, что они дрожат.

– О, нет! Я не хочу! Нет! Помогите! Я должна работать! Я еще не старая! Мне руки нужны для работы! Что вы делаете?!

– А мне уши нужны для слуха! Да приди же ты в себя! – Ее резко дернули за плечи...

Мирабелла открыла глаза и рывком села на кровати.

– О боже! Это всего лишь сон, страшный сон! О, такой ужас приснился! Просто кошмар! – еле отдышалась она и посмотрела на соседку по палате, пожилую женщину с гипсом на руке. – Здравствуйте...

– Здравствуй. Ты так кричала! Были бы тут врачи ночью, точно прибежали бы. Я сразу поняла, что сон плохой тебе снится. Ты все кричала про какую-то работу, про зубы... Зубы во сне увидеть – плохо. Мне однажды приснилось, что я сама себе зуб удаляю, так через три месяца племянник мой помер.

– Я стоматолог.

– А! Ну тогда совсем другое дело. Если зубы снятся стоматологу, это не считается. Если рыба снится рыбаку – тоже не к болезни. Меня Еленой Станиславовной зовут.

– Мирабелла. Меня так мутит...

– Лекарства сильные колют! Мне тоже кололи первое время, я очумевшей от них была. Не иначе как наркотики, – понизила голос Елена Станиславовна.

– Думаю, это просто снотворное... Ох! Что же я наделала?

– Тише ты! Людей разбудишь, – зашипела на нее Елена Станиславовна.

– Я же всех подвела! Точно! – сокрушенно воскликнула Мирабелла.

– Не вини себя! Ты еще от травмы не отошла! – сказала Елена Станиславовна, ложась на койку и натягивая одеяло до подбородка.

– А водитель? Я же ехала в машине с водителем! Я только сейчас о нем подумала! Кошмар!

– Твой родственник? – уточнила соседка.

– Нет, я села к нему в машину, только не помню – зачем?... Нет, я этого человека совсем не знаю. А что с ним? Он умер? – ужаснулась Мирабелла.

– Нет, успокойся! Он лежит в мужском отделении, это под нами, на втором этаже. Я слышала, медсестры о нем говорили. Вроде в восьмой палате он, – ответила соседка.

– А с ним всё в порядке?

– Ну, как сказать... Если в больнице человек, это риторический вопрос. Понятно, что с ним не всё в порядке, я слышала, переломы у него.

– Я обязательно его навещу. Неудачно я села к нему в машину, он же меня чуть не угробил!

– Заодно и спроси у него, – зевнула Елена Станиславовна.

– О чем?

– Куда ты ехала-то, голова горемычная. Если ты не помнишь, почему ты села в его машину, может, он об этом помнит? – здраво рассудила соседка по палате.

– Точно... А ведь дома – моя мама! Она ведь не знает, что со мной случилось! Она уже с ума сошла от беспокойства за меня! Я бы ее обязательно предупредила, если бы не смогла прийти домой. Мама, наверное, думает, что меня убили! – ахнула Мирабелла.

– Дай ей бог здоровья, чтобы сердце выдержало! – посочувствовала Белле Елена Станиславовна. – Но я думаю, что беспокоиться не стоит: твоя мама уже была здесь, когда ты спала.

– Правда?

– Зачем мне тебе врать? – обиделась соседка. – Ты не вернулась домой, и она пошла тебя искать. Вроде соседка ей сказала, что ты от нее уже ушла. Твоя мама стала звонить по больницам и моргам. Ей и сообщили, что ты здесь лежишь.

– Значит, моя мама знает, что со мной всё в порядке? – выдохнула Мирабелла.

– Конечно! С ней и врач твой говорил. Успокоили ее, как могли. Придешь в себя – сама ей позвонишь.

– Хорошо. Одной проблемой меньше, – вздохнула Мирабелла и посмотрела на стул, где была сложена ее одежда, а сверху лежал листок с именем «Григорий». – Вот ведь черт!

– Что еще? Вспомнила, куда ехала? – Елена Станиславовна поняла, что вряд ли ей удастся поспать с такой активной соседкой.

Мирабелла судорожно одевалась, путаясь в рукавах.

– Мне идти надо...

– Как идти? Куда идти?! Да ты что, болезная?! Ночь на дворе, ты еле-еле в себя пришла! Ну, ты даешь!

– Я же всех подвела! – Белла встала, прислонилась лбом к стенке и перевела дух. – Как отсюда уйти?

– Да ты серьезно, что ли? Что я завтра врачу скажу? Я не пущу тебя, даже не думай!

– Вы спали и не видели, как я ушла, так им и скажите! Чувствую я себя нормально, кости у меня целы, что мне здесь делать?

– Ох, Мирабелла! Не знаю, не знаю, – покачала головой соседка, – больница закрывается на ночь. Как ты отсюда выйдешь? Хотя, может, через приемное отделение? Оно должно быть открыто круглосуточно. Считай, что я ничего не говорила и вообще не видела тебя...

Мирабелла еще раз попрощалась с Еленой Станиславовной и, держась за стенку, пошла из палаты. В прохладном пустом коридоре ей пришла в голову умная мысль.

«Что я делаю? Куда я собралась? Ведь даже о том, что со мной все относительно хорошо, я знаю только со слов моей соседки по палате. Может, она мне солгала, чтобы не расстраивать? Она же не врач. Почему у меня так сильно все болит? Прямо до слез!»

Она лоб в лоб столкнулась с пожилой медсестрой, спешившей куда-то с подушкой в руках. Наверняка она шла в ординаторскую – спать.

– Вы почему тут бродите? – строго спросила она.

– Я?

– Ну не я же!

– Я навещала... – соврала Мирабелла.

– Как «навещала»? Одиннадцать часов ночи!

– Заговорились, – потупила взгляд Мирабелла.

– С ума сошли? Нарушаете больничный режим! Из какой вы палаты? – сдвинула брови женщина.

– Так я вам и сказала! Чтобы этого человека из больницы выгнали? Нет уж! Заговорились мы, извините нас. И... дайте мне пройти!

– Ну-ка, дыхни!

– Да вы что?! Мы не пили! Лучше помогите мне уйти отсюда. Будьте человеком, вы же должны помогать людям!

– А почему у тебя голова перевязана? Зачем врешь? Как не стыдно, чай, не девочка! – покачала головой медсестра, и Мирабелла залилась краской стыда. – Сбегаешь? – прищурилась медсестра, подбочениваясь.

– Очень надо... – всхлипнула Белла от боли и от жалости к себе.

– А в принципе мне все равно! Здесь не тюрьма и не психиатрическая клиника. Выглядишь ты плохо, но это твое решение – уходить отсюда или нет.

– Помогите мне выйти, – пискнула Белла.

– Иди за мной! – кивнула ей медсестра. – Плохо же тебе, шатаешься на каждом шагу...

– Тошнит...

– В аварию попала, что ли?

– Ага, но я об этом почти ничего не помню...

– Сильно ты головой стукнулась, с такими травмами лучше бы под наблюдением оставаться. Ты хоть домашний адрес свой помнишь? Я грех на душу брать не хочу, – покосилась на нее медсестра.

– Я всего лишь пострадала, а другой человек может пропасть... Потеряться в большом городе!

– И помочь ему можешь только ты?

– Только я знаю о нем, – пояснила Белла.

Медсестра вывела ее каким-то длинным, с тусклым освещением и низким потолком коридором в приемное отделение.

– Меня не задержат? – запаниковала Белла.

– Ты же со мной. Тут не полицейский участок. Эй, Константин! – позвала она, и к ним подошел молодой человек.

Белла струхнула. Она решила, что медсестра ее обманула и вызвала санитара, который сейчас лишит ее свободы. Но медсестра сказала:

– Костя, отвези девушку, куда она скажет. Ей срочно уйти надо, она только-только в себя пришла.

– Не вопрос, Ольга Леонидовна! Отвезем! – улыбнулся парень.

– Спасибо вам большое! – поблагодарила ее Белла.

– Мы же все люди, всё понятно! Может, у тебя дома ребенок маленький один? – улыбнулась ей медсестра.

– Нет у меня ребенка, – вздохнула Белла и последовала за парнем.

Он оказался водителем больничной легковушки с красными крестами на белых боках.

– Садись, болезная... Поехали!

Мирабелла села рядом с ним.

– На Киевский вокзал, пожалуйста.

– Ого! Я думал, ты домой поедешь. Выглядишь очень хреново! Не доедешь ведь! Или тебе от вокзала еще куда-то ехать надо?

– Пожалуйста. Мне человека одного надо найти.

– Ну хорошо, как скажешь. – Он пожал плечами.

«Действительно, как бы я поехала к вокзалу на общественном транспорте? И почему я вообще еду на вокзал? Гриша приехал в семь вечера, сейчас, наверное, уже половина двенадцатого, он же не идиот – ждать меня так долго? Давно уже уехал, наверное, взял такси, купил справочник, нашел адрес института... Но я все равно должна его поискать». Вслух она сказала:

– Какая хорошая мне медсестра попалась. Вошла в положение. Не уговаривала меня остаться, не ругалась.

– Поняла, наверное, что смертельная опасность тебе не грозит, – сказал парень.

– Откуда она могла об этом знать? Впервые меня увидела.

– Она заместитель главного врача, заслуженный врач России, лет сорок проработала в реанимации и сразу оценивает состояние больного, – пояснил Константин.

Они быстро доехали до Киевского вокзала.

– Тебя подождать? – спросил Костя.

– Спасибо, не надо... Я не знаю, сколько я здесь пробуду, да и ты на служебной машине.

– Ну тогда прощаемся?

– До свидания.

– Не хвори!

– Спасибо.

Мирабелла оказалась на привокзальной площади. Территория была ярко освещена. Народу было относительно немного. Стояли с сигаретками в руках таксисты, носильщики с металлическими тележками в ожидании пассажиров с тяжелым багажом.

Белла поехала, оказавшись на прохладном ветерке, и поспешила в здание вокзала.

Постоянные обитатели вокзала выглядели особым образом. Были тут и пьяные, и бомжи, и люди разных национальностей, целыми семьями, с детьми, большими тюками. Бомжи обратили на Беллу внимание из-за ее бинтов, приняв за свою, и что-то приветственно ей закричали. Мирабелле стало неудобно, она почувствовала тяжесть в ногах и головокружение. Она нашла зал ожидания и принялась за поиски Гриши, всматриваясь в лица дремавших пассажиров. Белла подходила к молодым крепким мужчинам, легонько трясла их за плечи и спрашивала:

– Извините, вы не Григорий?

– Что?.. Нет!.. Пошла ты!.. Зачем разбудила?.. Чего надо?.. – отвечали ей.

Она начинала понимать всю тщетность своих усилий, и тут за ее спиной нарисовались два парня в кожаных куртках. Один «качок» похрустывал костяшками пальцев, словно разминая их перед решающим ударом.

– Привет, болезная... Чего ты тут шаришь?

– Вы что? – шарахнулась от них Белла. – Я... Гришу ищу...

– Я Гриша! – улыбнулся один из них. – Отойдем?

– Куда? – испугалась она.

– Отойдем, тут недалеко.

– Зачем?

– Поговорим, – нехорошо улыбнулся парень.

– Извините, я пойду... я обозналась... – попыталась было увильнуть в сторону Белла, но ее уже подхватили под руки с двух сторон и поволокли в неизвестном направлении. Она попыталась воспротивиться, и ее вырубили грубым ударом в солнечное сплетение. У Беллы сразу перехватило дыхание. Она не могла произнести ни звука, ноги у нее отнялись...

«Караул!» – пронеслось в голове.

Глава 5

Максим Жемчужный родился в семье цыган. Его родственники были богаты, уже много лет оседло жили в Москве и служили в цыганском театре. Максим был единственным ребенком. Отец его, Яков Жемчужный, был уважаемым человеком, цыганским бароном, он возглавлял цыганскую диаспору. Мама, Рада Жемчужная, была ведущей артисткой цыганской труппы: темпераментная, очень талантливая женщина. Поклонников у Рады Жемчужной было не счесть, после спектаклей ее гримерка ломилась от обилия цветов и открыток с восторженными признаниями ее таланта. Многие известные люди хотели бы видеть темпераментную цыганку в роли своей любовницы. Но она была верна своему мужу, Яше Жемчужному. Появившийся в их семье чудный мальчик еще больше скрепил их семейный союз. С рождением его брата или сестры Рада вовсе не спешила, она считала, что век артистки короток: «Сколько мне осталось работать в театре с этими танцевальными нагрузками? Хорошо, если продержусь до сорока лет...» Однако на главных ролях Рада оставалась еще долго и со временем начала считать своей главной ошибкой бездумно упущенный шанс стать матерью во второй раз.

Тем более ценным для семьи Жемчужных был их единственный сын – Макс. Природа или Бог наградили его красотой, артистичностью, темпераментом матери, умом и рассудительностью отца.

Яша Жемчужный всю жизнь боролся с невежеством своих соплеменников, уговаривал цыган отдавать своих детей в школу, вести оседлый образ жизни. И очень расстраивался, когда ему не удавалось побороть многовековые традиции. Он очень переживал, когда про цыган говорили, что они все – воры, шарлатаны, перекаати-поле. Жемчужный больше всего переживал за детей, у которых был шанс начать другую жизнь. Иногда, если их родителей сажали за воровство, продажу наркотиков или доказанное мошенничество, он пристраивал таких детей в другие семьи или в школу при театре, где дети учились и готовились стать артистами в будущем. Но все равно многие цыганские дети заканчивали только начальную или неполную среднюю школу. Были такие и у них в театре, но за счет таланта оставались на сцене.

Члены семьи Жемчужных были людьми образованными. Учиться Максим любил. Он закончил эстрадно-цирковое училище, затем – институт культуры, учась на двух факультетах: организации культурно-досуговых мероприятий и на факультете продюсирования. Выступал в цирке как артист оригинального жанра, показывал фокусы. Мама немного обижалась, что он предал их театр, но радовалась его успехам в целом. Максим придумывал такие замечательные фокусы, что был замечен и приглашен в международный цирк, где весьма успешно продолжил свою карьеру.

В сложные годы перестройки, когда различные театры вообще почти перестали посещать, когда упали сборы и зарплаты артистов, семью Жемчужных постигло двойное горе. Умер отец, потерявший большие деньги, вложенные в некую финансовую пирамиду. Умер и старый руководитель театра, достигший весьма почтенного возраста. Максим вернулся в Россию – чтобы похоронить отца, поддержать мать и не дать развалиться цыганскому театру. Он выступил спонсором, очень грамотно организовал рекламу, гастроли, параллельный бизнес в виде открытого театрального кафе. Так он и не позволил сгнить театру, вытянул его. Труппа единогласно избрала его своим руководителем. Максим не очень-то хотел всем этим заниматься, но подвести людей он тоже не мог. Все-таки это было дело его отца – святое для него. Ему пришлось уйти с арены – катастрофически не хватало времени, а ведь он был еще молод и грезил цирком. Фокусы с картами он мог проделывать какие угодно. Точность его

рук была отточена до совершенства. Распиливание женщин, иллюзии с огнем, левитация – все это было в его творческом арсенале, но пришлось оставить эти занятия.

Максиму было уже тридцать семь лет, он стал владельцем театра, хозяином цирка во Франции и развитой сети бизнеса – галерей искусств по всей Европе. Он состоялся как личность – и в профессии, и в человеческом плане. Кризис миновал, театр в России процветал. Теперь большую часть своего времени он проводил в Европе, в Москве появлялся наездами. Макс был высоким спортивным мужчиной с прожигающими насквозь черными глазами, с роскошной копной иссиня-черных волос и потрясающей улыбкой. Ни одна женщина не могла устоять перед ним. Максим относился к этому вполне спокойно – он любил женщин. По молодости парень пускался во все тяжкие, а позже решил, что не на ком ему жениться. Совсем уж молоденькую девушку брать в жены он не хотел, ему с ней было бы неинтересно. Дамы постарше прыгали к нему в постель в первую же ночь, словно изголодавшиеся кошки, и вскоре он разочаровался в женщинах: они казались ему несерьезными и корыстными особами. Его мама волновалась, думая, что он так и останется закоренелым холостяком-гулякой.

– Дорогой Максим! Рядом с тобой столько красивых женщин! Ну почему ты до сих пор не можешь выбрать одну-единственную?

– Может, именно потому, что их слишком много? – смеялся Максим.

– Я серьезно с тобой говорю об этом!

– Чего ты хочешь от меня? Внук же у тебя есть!

Он имел в виду своего незаконнорожденного ребенка от французской актрисы Мишель Дюк. Она ради него даже ушла от мужа-режиссера, но Максим так и не сделал ей предложения, хотя полностью взвалил на себя всю материальную сторону воспитания сына, стараясь как можно чаще видеться с ним. Сейчас Дюку было десять лет.

– Вот именно! Ты даже не женился на женщине, родившей тебе сына! Уж до чего она хороша! Талия, глаза... Все при ней, и она до сих пор ждет тебя! А ты – бесчувственный чурбан!

Максим пожал плечами. Отношения с Мишель были очень сложными. Она для него стала просто очередной подружкой, она обманула его с этой беременностью, подстроив ее специально, нарочно. Потом вскрылись неприглядные факты, что в молодости она снималась в порно, и Максим четко осознал, что не хочет жениться на такой женщине. Этот факт из ее биографии он скрыл от всех, даже от мамы, чтобы как-то сохранить и так весьма хлипкие отношения несостоявшихся невестки и свекрови.

Сына Максим обожал. Мишель пыталась шантажировать – если не женишься, не дам тебе с ним видеться, но фокус не прокатил. Мишель смирилась, испугавшись, что по решению суда Дюка отдадут отцу, как более состоятельному, положительному человеку. Максим беспрепятственно мог общаться со своим сыном.

Но все это Раде Жемчужной совсем необязательно было знать. Она безумно любила своегомышленного внука, баловала его и мечтала о других внуках от любимого сыночка. Мишель вкралась к ней в доверие, проявив некоторые актерские способности, она желала, чтобы Рада помогла ей «образумить» Макса и заставить его жениться на ней. Упирала на тот факт, что Дюк сильно скучает по Максиму и ему необходимо общение с отцом каждый день. Поняв, что это бесполезно, общение с Радой Мишель свела до сугубо формального. Расчетливой и весьма холодной дамочкой оказалась эта Мишель...

Имелся у Максима давнишний друг, Гена Столяров, с которым, казалось бы, ничего общего у него и быть не могло. Цыганский отпрыск, посещавший специальную школу и выбравший специфическую профессию, – и Геннадий Викторович Столяров, фигура весьма уважаемая в определенных кругах, работавший следователем по особо важным делам. Максим никогда не нарушал закон. Дружили они с детства, жили в одном дворе и были абсолютно разными, но в итоге стали лучшими друзьями. Максим рос в обеспеченной семье,

Гена жил только с мамой, излишне увлекавшейся спиртным. Гена часто прятался от друзей матери у Максима. Рада не понимала, почему ее сын предпочитает дружить с русским мальчиком, но препятствовать их отношениям не стала. Рада частенько подкармливала Гену, отдавала ему вещи своего сына. Несколько раз пьяная мамаша Гены врывается к ним в квартиру с дикими криками:

– Где мой сын? Что вы с ним делаете?! Поганые цыгане! Вы его хотите украсть и продать на органы?! Я вызову милицию!

– Это отвратительно, – только пожимала плечами Рада. Она хотела бы, чтобы ее сын прекратил общение с мальчиком из неблагополучной семьи, но Макс не мог бросить товарища.

В подростковом возрасте над их дружбой нависла серьезная опасность. Как и следовало ожидать, Гена связался с очень плохой компанией: шпаной, ориентированной на кражи, грабежи, угоны машин... Он стал злым, замкнутым, перестал общаться с Максимом, ушел из дома. Максим не опустил руки и начал бороться за своего друга. Он в одиночку пришел на страшный пустырь, в самое логово шайки, состоявшей из двадцати человек. Среди них болтался и Гена. Макс появился там, когда парни делили награбленное и пили дешевый портвейн. К сигаретам Геннадий тоже успел пристраститься.

– Ого! А что это за мальчик к нам пришел? – зло сплюнул глава шайки, Серега.

– Я пришел за своим другом, – спокойно ответил Максим.

– А я думал, ты хочешь погадать или настучать на нас! – засмеялись пацаны. – Проваливай! Тебе здесь не место! Уходи, пока жив!

– Я не уйду без него, – упрямо ответил Максим.

– Подожди, Серый... Я с ним поговорю. – От шайки обступивших Максима парней отделился Гена. Он вплотную подошел к Максиму: – Уходи!

– Нет.

– Тебе чего надо?

– Я пришел за тобой!

– Зачем? Здесь – моя семья.

– Это не твоя семья. Ты пьешь и куришь... В семье все друг друга любят, а здесь каждый за себя, как стая волков, – сказал Максим.

– И что? – засмеялся ему в лицо Гена. – Что хочу, то и делаю! Легко так говорить, когда ты сам в шоколаде, а мне не дана другая семья! Пойми, Максик, у тебя есть мама, папа, квартира, машина... Ты так же, как другие цыгане, будешь плясать и петь в театре! Вот и иди, и пляши! Забудь меня!

– Я не могу, ты мой друг! Я не сдаю друзей и не бросаю их.

– Я тебе не друг! Гусь свинье не товарищ! У тебя своя дорога, а у меня она... здесь.

– Человек сам выбирает себе дорогу, и ты вправе выбрать другой путь.

– Заткнись! Я не хочу тебя слушать! Мне с ними хорошо, я чувствую, что я среди своих.

А ты какой мне друг? – презрительно сплюнул на землю Гена.

– Друзья познаются в беде. А мне со стороны виднее, что ты попал в беду, и я на то и друг, чтобы вытащить тебя отсюда, – все так же спокойно сказал Максим. Он смотрел в глаза Гены и не верил, что приятель превратился в одного из этих волчат, окруживших его со всех сторон. Потому он и не боялся их.

– Проваливай отсюда, иначе это плохо для тебя закончится, – так же спокойно ответил ему Гена.

– Да что ты с ним разговариваешь? Ты с нами? – спросил у него Сергей.

– С вами...

– Вот! А этого щенка отпускать нельзя, он знает, где мы тусуемся, видел, чем мы занимаемся. – Сергей выдвинулся вперед и набросился на Максима с кулаками.

Максим достойно ответил ему. Что-что, а к этому его тоже подготовил отец, с детства отдав сына в секцию восточных единоборств. Максим был бесстрашен, но Сергей подло ударил его на глазах у всех ножом в живот. Все произошло очень быстро. Гена потом много раз в уме прокручивал этот эпизод и понимал, что никто не успел бы помочь Максиму. Юноша шарахнулся от малолетнего бандита и посмотрел на свои руки: ладони окрасились в ярко-красный цвет.

– Макс! – кинулся к нему Гена, у которого в тот момент земля ушла из-под ног и весь мир в глазах перевернулся.

Ребята тоже притихли.

– Серый, ты же человека завалил! – выдохнул один из них.

– Да какого человека? Черномазый цыган! Они все твари!

Пацаны испугались вида крови и не поддержали своего вожака, бросились врассыпную. Что и следовало доказать: здесь друзей не было, никто никого не поддерживал.

Гена остался один с умиравшим Максимом на руках. Он сумел дотащить его до дороги, где были люди, и попросить о помощи.

Рада чуть с ума не сошла... Она билась в истерике и кричала:

– Я так и знала! Нельзя было водиться с этим мальчишкой из плохой компании! Вот что получилось! Мой мальчик!.. Мой добрый мальчик, который никому не сделал плохого!.. Он же – само солнышко!

Гена, абсолютно опустошенный душевно, несколько дней просидел в больнице, пока состояние Макса не улучшилось. Рада прогоняла его, но он не уходил. Следователю Гена рассказал все, как это произошло, и позже задержали всех участников банды. Сергея лишили свободы, остальные были приговорены условно и поставлены на учет в соответствующих организациях, и Гена – в том числе. Зато больше никогда в жизни он не то что не свернул в сторону, но даже и не пытался это сделать. Он взялся за ум, поняв, что сам выберет в жизни что-то лучшее. Он решил стать следователем, ему пришлось быть на голову выше других абитуриентов, чтобы ему поверили, несмотря на уже истекший срок условной судимости.

– А ведь если бы не ты, я бы уже сидел, да и не в первый раз! Так бы и покатился по наклонной, – как-то раз признался Гена Максиму.

– Да... Я «отмыл» тебя своей кровью, – засмеялся Максим.

Они выросли крепкими, здоровыми мужчинами и больше никогда в разговорах не возвращались к тому роковому случаю. Максим часто приезжал в Россию и встречался со своим другом. Иногда им приходилось общаться и по работе. Когда на бизнес Макса начались наезды со стороны бандитов, ему здорово помог Гена, и во время захвата банды, обещавшей вырезать всю семью Жемчужных под корень, «словил» пулю.

– Теперь мы квиты! – радовался Геннадий, лежа в больнице после операции.

– Ну и дурак же ты! – ответил ему Макс. Он бросил все дела и вот уже второй месяц пребывал в России.

Гена наконец вышел из больницы и уже ходил с тростью, слегка прихрамывая. Ему дали три месяца на восстановление, затем Гена должен был пройти комиссию и получить доступ к работе. Но без работы Гена не мог прожить и дня и поэтому ввязался в одно частное расследование. Заклинило старшего следователя: полиция трудится, а толку-то особого нет... Преступность множится, разрастается, словно плесень!

– А все почему? – спрашивал Гена у Максима.

– Почему? Я не знаю, я как-то далек от проблем преступности, я больше спец по праздникам, нежели по похоронам! – ответил Максим.

– Потому что мы мелкую сошку загребает периодически, а она снова плодится. Потому что остаются боссы с деньгами в карманах. Преступность – как ящерица, способная к регенерации. Мы отрываем хвосты, а надо бы – головы!

– Никому еще не удавалось голову оторвать... Подчищают мелкие притоны, плесень эту соскребают со стены то там, то здесь, а стена-то огромная, она прямо в небо уходит... Ты-то тут при чем? Один в поле воин? – спрашивал у него Макс.

– А я устал от этой нечисти. Работа такая – избавляю общество от нее. Иначе я плохой работник!

– Опять на опасный путь встаешь, – отметил Макс. – У этих криминальных боссов денег немерено, наверняка связи есть, и в правоохранительных органах – тоже.

– Меня это не волнует! Я их всех выведу на чистую воду!

Гена был высоким здоровым мужчиной с открытым лицом, светлыми глазами, густыми вьющимися волосами светло-русого цвета. Он напоминал русского богатыря, готового спасать всех и каждого, и Россию-матушку – в том числе.

Максим был высоким, жилистым, худощавым. Короткие волосы цвета воронова крыла, жгучие, живые черные глаза, правильные черты лица, легкая небритость... И потрясающая улыбка. Он часто улыбался и был очень обаятелен, просто чертовски обаятелен... Лицо же Геннадия всегда было очень серьезным и сосредоточенным.

Максим сидел за рулем своего спортивного «Ламборджини», ехал очень быстро, но у Киевского вокзала ему пришлось сбавить скорость. Только что пришел поезд, и из здания вокзала повалили пассажиры, которых встречали родственники. Вокруг суетились таксисты и носильщики.

– Останови-ка! – вдруг попросил Гена.

– Что такое?

– Стой!

– Здесь вроде нельзя...

– Тормози! Все тут останавливаются! – резко ответил Гена, и Максим остановил машину.

Он повернулся и увидел, как за углом двое молодых мужчин в темной одежде бьют какого-то бомжа.

– Это омерзительно, – отметил Максим, – разборки с бомжом... Что он им сделал?

– Их полно на вокзалах! Небось мало принес побирушка денег своему хозяину, и вот – «воспитание»...

– Мы не можем на это просто так смотреть! Они же убьют его. Я пойду разберусь! – сказал Максим, быстро вышел из машины и, не дожидаясь реакции друга, поспешил к месту потасовки. – Э-э, мужики! Что тут происходит?

Один из нападавших небрежно бросил ему через плечо:

– Чувак, проходи дальше! А то и ты получишь!

– Я спрашиваю: за что вы избиваете человека? – Максим не боялся ничьих угроз.

– Не твое дело! – грубо ответили Максу.

Макс скосил глаза – и содрогнулся. Они били женщину! Один из парней рывкнул:

– Тебе больше всех надо?! Это наша разборка! Негоже ходить по нашему прикормленному месту и требовать милостыню! Станет хорошей девочкой – больше бить не будем, мы же не звери! Мужик, не парься, проходи мимо, не то и сам получишь!

– Я заберу эту женщину с собой, – сказал Максим твердо.

– Да кто же ее тебе отдаст!

– Я иду, Максим! – раздался голос Гены.

– О-о, глянь, еще один калека бежит! Может, тоже на нашем вокзале подработать хочет?

Парень набросился на Максима. Тот схватил нападавшего за руку и резко вывернул ее. Парень упал, корчась от боли. Его друг ринулся на Максима и наварвался на мощные удары

в челюсть и в грудь. Этого ему вполне хватило. Он сложился пополам и рухнул на землю рядом с приятелем.

Максим хмыкнул:

– Давно не практиковался. Чуть пальцы не разбил.

– Ну вот, – разочарованно протянул Гена, – я только сюда дохромал, а все уже закончилось.

– «Лечите ногу, Сеня... лечите!» – Максим протянул руку Мирабелле. – Вставай! Вот звери... как разукрасили... Ты сама сможешь подняться?

Белла затравленно смотрела на него. У нее дежавю?! Она никогда не видела этого красивого мужчину. Но Белла иногда мечтала, что ее когда-нибудь спасет прекрасный принц... И вот, похоже, это и произошло! Принц был выше всяких похвал. Лицо, глаза, фигура... Дорогой костюм... а как лихо он уложил обоих бандитов! Нет, определенно он выглядел даже лучше, чем она представляла в самых радужных мечтах. Но что-то не вписывалось в «картинку». Белла хлопнула ресницами. В ее мечтах принц поднимал ее на руки и заявлял, что мечтал о ней всю жизнь, и сразу вел в ЗАГС... И тогда мед у всех потечет по усам... А реальный «принц» отвернулся и сказал приятелю:

– Молчит... Может, она глухонемая? Или запугали ее?

– Ты ее не трогай, мало ли чем заразиться можно, они же со вшами и с туберкулезной палочкой, – предостерег его Гена.

– Но мы не можем ее тут оставить. Давай хоть в приют социальный ее отведем. Ты же слышал, парни сказали, что она просила милостыню, приставала к людям...

– И вроде еще не старая совсем, – заметил Гена.

– Что значит – совсем?! – возмутилась Белла. – Я не попрошайка и не бомжиха! Так уж получилось...

Мужчины с удивлением уставились на нее, словно не ожидали, что она умеет разговаривать.

– Вот и хорошо! Давай мы тебя отвезем... куда-нибудь, – произнес ее спаситель, стройный брюнет, явно не торопясь заключать ее в объятия и надевать обручальное кольцо на палец.

– Куда? – поинтересовалась она.

– В больницу, например, – пожал плечами Максим.

– Я только что оттуда сбежала, – ответила Белла.

– А зря! Лучше бы вы задержались там, – сказал Гена и обратился к Максиму: – Поехали! Я думаю, с ней все будет хорошо. Похоже, дама бойкая, не нуждается в нашей помощи.

– Но ее сильно избили, – возразил Максим.

– Это... не сейчас! Дело в том, что у меня выдался очень неудачный день, – встряла в их диалог Мирабелла. – Я просто утром упала с кровати... и шишку набила... Потом меня расцарапала кошка, то есть кот... Вы не представляете, какой это зверь. А потом я попала в автомобильную аварию...

– Мы верим... – кивнул Гена и прошептал на ухо ее «принцу»: – Идем отсюда, мы уже ей помогли...

– То есть ты не бомж? – уточнил Максим, вовсе не спешивший уходить.

– Нет, конечно!

– Тогда мы можем подвезти до дома! – сказал Максим. – И дать денег...

– Мне денег не надо! – покраснела Белла. – Я не приставала ни к кому за милостыней! Мне нужен был Григорий.

– Извини, с этим мы тебе не поможем! Мы его не знаем, – серьезно ответил Гена и потянул Максима за руку: – Может, пойдем? Тут явно не мы нужны, тут врача бы, психиатра... Подожди, врач... Врач... – вдруг нахмурился Гена.

– А почему вы меня оскорбляете? – возмутилась Белла.

– Постой! Это же ты... Я вспомнил о враче, и все сошлось! Всё думал, где же я тебя видел? Это же ты! Не может быть!

– Что я?

– Ты лечила мне зубы примерно месяц тому назад! – радостно заключил Геннадий.

Максим удивленно повернулся к другу:

– У тебя что, так плохи дела? Что ты лечишь зубы... у бомжей?

– Я не бомжиха! – взвизгнула Мирабелла.

– Она не бомжиха! Она врач-стоматолог! Я вспомнил! У меня же профессиональная память на лица! – повторил Гена.

Белла повернулась к нему:

– Откройте рот!

– Зачем?

– Откройте рот! – строго повторила она.

Геннадий подчинился.

Мирабелла внимательно осмотрела его зубы.

– Всё, закрывайте. Я лечила контакт между верхними справа, шестым и седьмым.

Гена присвистнул:

– Гениально! Так и есть!

– У меня тоже профессиональная память. Лица пациентов я часто не помню, а вот их зубы запоминаю. Протезы, пломбы...

– Еще имя у тебя такое... странное, – заметил Гена.

– Не странное, а необычное, – поправила его Мирабелла.

– Мирослава?

– Мирабелла!

– Меня зовут Гена, а это Максим, мы оба – хорошие ребята.

– Я это уже поняла.

– Ты что, не имеешь возможности лечиться в нормальном месте? – тихо спросил у Гены Максим.

Мирабелла вспыхнула:

– А почему вы решили, что я работаю в ненормальном месте?! Почему вы все время меня оскорбляете?

– Ну...

– Вы судите по моему внешнему виду в данный момент! Я же объяснила, что со мной произошло! Со всяким такое может случиться! Просто со мной все произошло в один день!

– Клиника очень солидная, и зубы мне там вылечили хорошо, – вступился за Беллу и заодно за себя Геннадий.

– Я не хотел тебя обидеть, – сказал Максим.

– Но у вас это получилось! – надулась Мирабелла.

– Ну, так вы будете ждать своего Григория или поедете с нами? – спросил Геннадий, перейдя на «вы».

– Я не знаю, где его искать. Я должна была его встретить...

– Телефон, договоренность? – спросил Макс.

– Нет... Ой!

– Что? – даже вздрогнул Геннадий.

– Я же Барсика потеряла! Как же я о нем забыла?

– К-какой Барсик? – совсем ошалел Максим.

– Котик! Ну вы что? Я же ехала с котиком, он меня поцарапал!

– Куда?

– Куда можно ехать с котиком? Конечно, в ветеринарку! – ответила Белла. – Вы меня не слушали! Я же говорю: попала в автокатастрофу, очнулась в больнице, водитель жив, он тоже оказался в клинике, а о коте-то я и забыла! Он же был с нами! Неужели погиб? Вряд ли... Он сидел в корзинке, специальной. Так, значит, он там остался, на месте аварии? Что с ним? Может, найти и спасти, раз уж Григория мне встретить не удалось?

Геннадий переглянулся с неожиданно заулыбавшимся Максимом.

– Если тебя так интересует судьба этого кота, поехали... Отвезем тебя на место аварии... Где это случилось, ты помнишь? – Он опять обратился к Белле на «ты».

– Конечно, разве такое забудешь!

Мужчины повернулись и пошли к машине. Максим вел под руку Мирабеллу. Геннадий недовольно покачал головой, но вслух недовольства не высказал.

– Красивая машина, – отметила Белла.

Гена только хмыкнул, открыл заднюю дверь и помог Белле. Она ойкнула:

– Все-таки пару раз достали меня эти гады... Ребра болят!..

Глава 6

Машина летела как на крыльях, и до места аварии они добрались очень быстро. И увидели деформированную палатку, в которую въехал водитель.

– Вот здесь это случилось, – сказала Мирабелла, которой очень хотелось произвести на мужчин благоприятное впечатление и доказать им, что она не бомж и не сумасшедшая. Особенно ей хотелось выглядеть хорошо в глазах красавца Максима.

Они вышли из машины и растерянно огляделись по сторонам.

– Максим, ты думаешь, мы найдем этого кота? Сколько прошло времени? – спросил Гена.

– Я-то откуда знаю? Я же не попадал в аварию! – ответил друг.

– Много времени прошло, да... Барсик! Барсик! Кис-кис-кис. – Мирабелла полезла в кусты.

– Нет, не будет домашний кот сидеть здесь столько времени и ждать неизвестно кого и чего. Кошки вроде находят дорогу домой? – предположил Геннадий.

– Да вы что? Домой... Как же я посмотрю в глаза соседке? Я взяла ее бедного, несчастного кота и повезла к ветеринару, и вместо помощи животное испытало стресс, сейчас где-то бродит, плачет, зовет хозяйку... голодный замерзший котик...

– Все понятно, но мы его вряд ли найдем, – вздохнул Гена.

Они прошли насквозь небольшой парк и вышли к кафе. Сногсшибательный запах шашлыка заставил их остановиться.

– Может, перекусим? – предложил Гена.

– У меня денег нет, – честно ответила Мирабелла.

Максим рассмеялся.

– У нас есть деньги, от тебя только требуется составить нам компанию.

– Я составлю... с удовольствием. Я уж и забыла, когда ела в последний раз...

Гена только фыркнул:

– Еще бы! Максим, выключи свое обаяние, а то девочка совсем потеряет голову.

– Оно у меня врожденное, – буркнул он.

– Я не девочка, и у... у меня...

– Что? – спросил Геннадий.

– Парень, то есть мужчина, есть.

– Это решает многое! – кивнул Геннадий, но его насмешливый взгляд говорил о том, что он не поверил Белле.

Они уселись за деревянный стол, заказали шашлык, овощи и пиво для Геннадия.

– И мне пива! – подала голос Мирабелла. – Если можно, темного!

– Мне минеральной воды с газом, – попросил Максим.

– Не пьете? – томно спросила официантка.

– Практически нет, – ответил за Макса Гена.

– Должен же кто-то развезти потом всех по домам, – добавил Макс.

– Вы еще спросите, как у него пищеварение работает. Неприлично спрашивать у человека, почему он пьет или же нет! – вдруг разошлась Мирабелла, не узнавая саму себя. В ней появилась какая-то дерзость.

Официантка с неприязнью посмотрела на Беллу, словно та была тараканом.

– А вам, может, сразу две кружки принести?

– Одной хватит, – ответила Белла, вальяжно разваливаясь на стуле.

Официантка, очень раздосадованная, гордо удалилась.

«Еще бы! В кои-то веки в их заведение зашел такой красивый мужчина, от которого просто глаз не оторвать. Женщина и встала в позу боевой готовности, а тут – какое-то чмо в юбке... Меня сейчас даже за женщину трудно принять», – подумала Мирабелла.

Гена улыбнулся и легонько двинул Максима локтем в бок:

– А доктор у меня очень симпатичная! Была...

– Что значит – была? – обиделась Мирабелла и посмотрелась в металлическую салфетницу, словно в зеркало.

Оттуда на нее смотрело слегка размытое лицо с огромной синей шишкой на лбу, с воспаленными отеками глазами, красными, ярко выделявшимися на щеках царапинами, несвежими бинтами на голове и со спутанными волосами. Мирабелле стало страшно. Она поставила салфетницу обратно и втянула голову в плечи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.